

тѣми, которые кормятся, и тѣми, которые кормятъ, какъ что-то вполне ясное и понятное?”

Эти слова значатъ, что для человѣка, который не имѣетъ въ деревнѣ земельной собственности или, по крайней мѣрѣ, участія въ земельномъ владѣннн, найти тамъ заработокъ иногда такъ же трудно, если не труднѣе, чѣмъ въ городѣ. Впрочемъ, вопросъ о стремленнн нѣкоторой части сельскаго населенія въ города сводится къ вопросу о раздѣленнн труда, о которомъ мы уже говорили выше.

„Вторая причина“, продолжаетъ гр. Толстой, „была раздѣленн богатыхъ съ бѣдными. Стоитъ только человѣку не желать имѣть земли и денегъ, и человѣкъ будетъ поставленъ въ необходимость удовлетворять самъ своимъ потребностямъ, и тотчасъ же невольно разрушится та стѣна, которая отдѣляла его отъ рабочаго народа и онъ получитъ возможность помогать ему“.

Какъ въ предшествующей, такъ и въ этой фразѣ не совсѣмъ ясны слова *не желать* имѣть земли и денегъ. Чтѣ значитъ это „не желать“? Слѣдуетъ ли его разумѣть въ смыслѣ дѣйствительнаго неимѣннн, или только нежеланнн имѣть, то-есть щедрости и нестяжательности?

Но въ первомъ случаѣ помогать будетъ некому, такъ какъ тотъ, кто ничего не имѣетъ, не можетъ и дать ничего, кромѣ собственнаго труда, а трудъ одного неумѣлаго и непривычнаго работ-